

«Всегда хранили ту самую икону»: воспоминания старообрядцев о практиках взаимодействия с иконами в советское и постсоветское время

НАТАЛЬЯ С. ДУШАКОВА

Рекомендация для цитирования:

Душаклова Н. С. «Всегда хранили ту самую икону»: воспоминания старообрядцев о практиках взаимодействия с иконами в советское и постсоветское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 42(3). С. 164–182.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-164-182>

For citations:

Dushakova, N.S. (2024) “‘They Always Kept That Very Icon’: Memories of Old Believers about the Practices of Interaction with Icons in Soviet and Post-Soviet times”, *Gosudarstvo, religiia, tserkov’ v Rossii i za rubezhom* 42(3): 164–182.
<https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-3-164-182>

Поступила в редакцию: 23.05.2024;
прошла рецензирование: 28.06.2024;
принята в печать: 16.09.2024.

Received: 23.05.2024; Revised:
28.06.2024; Accepted for publication:
16.09.2024.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2024 by the author.

РАНХиГС, Архив РАН (Москва, Россия).
nataliadusacova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4486-5367

В статье рассматриваются практики почитания икон среди старообрядцев в условиях антирелигиозной политики СССР и их трансформации после окончания религиозных преследований. Основными источниками являются результаты этнографических наблюдений и воспоминания, записанные с 2008 по 2023 год среди старообрядцев Северо-Западного Причерноморья и переселенцев из этого региона в Россию. В статье уделяется внимание роли икон в осмыслении религиозного опыта, трансляции представлений о своей вере, регламентации взаимодействия с иконой в разных контекстах. В условиях антирелигиозных кампаний почитание икон переносится в безопасное и скрытое от внешнего окружения пространство, а наиболее значимым для верующего, судя по материалам интервью, становится проживание религиозного опыта и знание о присутствии сакрального в домашнем пространстве. После окончания религиозных преследований формулируются новые правила, позволяющие более свободное расположение икон в доме, что уже не воспринимается как нарушение традиционных предписаний. Среди актуальных правил, регламентирующих организацию пространства около икон, встречаются запреты помещать кровать

под божницей, размещать рядом с ней зеркало, класть на божницу мобильные телефоны, размещать в переднем углу / под иконой / напротив иконы телевизор и др. Важной функцией домашних икон является сохранение памяти о прошлом. За выбором наиболее почитаемых образов стоят значимые для семейной истории события, нередко связанные с преодолением трудного прошлого, что особенно ярко проявляется в традиции «служить праздник» / «брать праздник в дом», то есть устанавливать обетный праздник, который далее передается из поколения в поколение.

Ключевые слова: старообрядцы, икона, антирелигиозная политика, повседневная религиозность, иконопочитание, память, обетный праздник, СССР, Северо-Западное Причерноморье

“They Always Kept That Very Icon”: Memories of Old Believers about the Practices of Interaction with Icons in Soviet and Post-Soviet times

Natalia S. Dushakova

RANEPA, Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
nataliadusacova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4486-5367

The article deals with the practices of venerating icons among Old Believers in the context of anti-religious policy in the USSR and their transformation after the end of religious persecution. The data comes from ethnographic observations and memories recorded from 2008 to 2023 among the Old Believers of the North-Western Black Sea region as well as migrants from this region to other parts of Russia. Since the narrativization of personal experience occurs with the support of material objects, ethno-confessional symbols play an important role in autobiographical memories of manifesting everyday religiosity. The article shows the role of icons in the perception of religious experience, transmitting ideas about one's faith as well as rules of interaction with an icon in different contexts. During anti-religious campaigns, the veneration of icons was transferred to a safe space hidden from the external environment, and the most significant thing for a believer, judging by the interview materials, was the very fact of the presence of the sacred objects in the home space. After the end of religious persecutions, new rules were formulated that allow for a freer arrangement of icons in the house, with less rigid regulating rules. Still there are prohibitions on placing a bed under the icon, or placing a mirror or mobile phones next to it, or placing a TV set at the sacred corner / under the icon / opposite the icon, etc. An important

function of home icons is to preserve memory about the past. The choice of the most revered images is determined by events significant for family history, often associated with overcoming a difficult past, which is clearly manifested in the tradition of “serving a holiday” / “taking a holiday into the house,” thus establishing a votive holiday, which is then passed on from generation to generation.

Keywords: Old Believers, icon, anti-religious policy, everyday religiosity, icon veneration, memory, votive holiday, USSR, North-Western Black Sea region

В ОДНОЙ из моих первых экспедиций к старообрядцам Республики Молдовы, когда меня интересовали практики организации домашнего пространства, я неожиданно для себя столкнулась с некоторым подозрением со стороны собеседницы. Во время интервью я задавала, как мне казалось, вполне безобидные вопросы о том, как было принято оформлять передний угол, где и как располагались в домах у старообрядцев иконы. В какой-то момент после ряда односложных ответов моя собеседница поинтересовалась: «А почему ты иконами интересуешься?» Чуть позже стало понятно, что в старообрядческой среде Северо-Западного Причерноморья предпочитали не говорить об иконах с незнакомыми людьми из-за того, что часто сталкивались с кражами старинных дорогих образов: о том, что здесь во многих домах можно было встретить дораскольную икону, было известно многим¹.

Другая причина, по которой тема бытования и почитания икон воспринимается как чувствительная, заключается в том, что во времена антирелигиозных кампаний старообрядцы прятали свои иконы, скрывали от представителей властей и иноконфес-

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326)

1. Аналогичные опасения во время разговоров об иконах высказываются в российских регионах, где предметом кражи были не древние дониконовские образа, а любые иконы (чаще всего XVIII–XIX вв.), предположительно имеющие ценность: Антонов Д. И., Завьялова А. И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.

сионального окружения внешние проявления своей религиозности. В воспоминаниях о советском времени очень важную роль играют, с одной стороны, личные и семейные практики сопротивления атеистической пропаганде, а с другой — размышления о том, насколько им удавалось сохранить свою веру в тех сложных условиях и как после завершения религиозных преследований происходило возвращение религиозных практик (или переизобретение их) из скрытого, невидимого для окружающих безопасного пространства.

Иконы играют важную роль в памяти о прошлом, что неудивительно: как показывают исследования миграции и материальной культуры на их пересечении², нарративизация воспоминаний всегда происходит с опорой на значимые материальные предметы. Если прямой вопрос о расположении икон в доме может вызвать опасения о намерениях собеседника, то в свободных рассказах о прошлом, будь то миграционные нарративы или воспоминания о преодолении жизненных трудностей, рассуждения о религиозных предписаниях или запретах, повседневной религиозности или обрядах жизненного цикла, старообрядцы подчеркивают значимость икон, подробно рассказывают об их роли.

В этой статье на основе многочисленных интервью, записанных среди старообрядцев как поповского (белокриницкое согласие), так и беспоповского (поморское согласие) толков, проживающих на территории Северо-Западного Причерноморья (Республика Молдова, включая Приднестровье, Южную Украину), и переселенцев из этого региона в Российскую Федерацию, рассматриваются воспоминания о практиках взаимодействия с иконами во времена религиозных преследований и трансформациях этих практик после их окончания. В центре внимания находится роль икон в нарративах о повседневной религиозности в советское время, трансляции представлений о своей вере, осмыслении собственного и семейного опыта преодоления трудного прошлого с привлечением религиозных ресурсов, выбор обетных праздников, а также регламентация взаимодействия с иконой в различных контекстах во время и после религиозных преследований.

Интервью проводились с 2008 по 2023 годы со старообрядцами разных возрастов, мужчинами и женщинами, среди них были

2. См. примеры подобных исследований: Frykman, M. P. (2009) "Material Aspects of Transnational Social Fields: an Introduction", *Dve Domovini* 29: 105–114; Wang, C. (2016) "Introduction: The 'Material Turn' in Migration Studies", *Modern Languages Open*: 1–11.

как священнослужители и наставники, так и прихожане. Некоторые интервью были записаны лично автором, а часть — автором вместе с коллегами из Межкафедральной Археографической лаборатории МГУ. Во втором случае в метаданных (место записи, согласие, пол и возраст собеседника) будет также приводиться ссылка на шифр интервью в архиве МАЛ МГУ.

«Сплю вот уже одиннадцать лет на одной стороне из-за чести иконы»

Наряду с крестами, лестовками и духовными книгами, иконы составляют базовую символическую среду старообрядцев. О. М. Фишман называет эти предметы материализованными этноконфессиональными символами³. Важная роль икон в обрядах жизненного цикла и окказиональных обрядах осмыслена в научной литературе и представляет собой один из изученных аспектов бытования икон, в том числе в старообрядческой среде. В частности, роль икон в обрядовых практиках среди старообрядцев Северо-Западного Причерноморья отражена в книге Д. Николаева и П. Донцова «Мир старообрядчества Молдовы» (Кишинев, 2015)⁴, исследованиях С. А. Иниковой, которая во время экспедиций также обратила внимание на локальные особенности иконопочитания⁵. Работы Э. К. Гусевой, написанные на материалах археографических экспедиций МГУ в старообрядческие поселения Украины и Молдовы, оказали влияние на многих исследователей, которые интересовались как старообрядческой иконописью в целом, так и местной культурой иконописания⁶. Ее развитию, связям местных иконописцев с ветковскими и московскими мастерами, наиболее распространенным сюжетам икон в церквях и домовых коллекциях старообрядцев региона посвящена монография Ю. Е. Горбунова и Б. Г. Херсонского⁷. Отдельные сведения

3. Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. С. 201.

4. Николаев Д., Донцов П. Мир старообрядчества Молдовы. Кишинев: Grafic-Design, 2015.

5. Иникова С. А. К вопросу о липованских иконах // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2012. № 7. С. 373–397.

6. Гусева Э. К. Памятники старообрядческой живописи конца XVIII–XIX в. // Русские письменные и устные традиции и духовная культура / Под ред. И. Д. Ковальченко. Москва: Издательство МГУ, 1982. С. 151–161.

7. Горбунов Ю. Е., Херсонский Б. Г. Липованская икона. Одесса: Друк, 2000.

об иконописцах Северо-Западного Причерноморья и бытовании икон представлены в обобщающей монографии Е. Б. Смилянской и Н. Г. Денисова о книжности и певческой культуре старообрядцев Бессарабии⁸. В значительно меньшей степени исследователи обращали внимание на роль икон в проявлении и осмыслении повседневной религиозности, что тесно связано с регламентацией взаимодействия с иконой в различных исторических контекстах.

Записанные в старообрядческой среде Северо-Западного Причерноморья автобиографические нарративы показывают, что отношение к иконе рассматривается как один из признаков, указывающих на степень религиозности человека, глубину его веры. Это проявляется не только в очевидном бережном хранении икон в доме, знании конвенциональных правил их расположения в домашнем пространстве и следовании таким правилам, но и, по выражениям моих собеседников, «в особом уважении к чести и святости иконы».

В г. Единцы (Республика Молдова) среди беспоповцев было записано воспоминание местной жительницы о наставнике, который, даже будучи серьезно больным, много лет лежал на одном боку, чтобы не повернуться спиной к иконе:

Эту икону подарил мне вот этот наставник. Я у него служила 13 лет. У него умерла жена.[...] И я пришла к нему, когда похоронили, и говорю: «Ну, вы не переживайте, вот приходить к вам буду, помогать вам». И с того дня я стала. Он очень был добрящий. Таких и не было, и нет, и не будет. Ну, это все могут сказать. Короче, эта икона у него была вот так. Смотри, вот если я ложусь сюда лицом. И я на одном боку так и лежу 11 лет. И на другой бок если повернешься, получается, что (спиной будешь к иконе — Н.Д.). Так он лежал 11 лет в том доме, где он перешел, 11 лет на одном боку! Он никогда в жизни не повернулся. Мы же как спим? Мы спим на одной стороне, хочется нам и на другую, мы же не можем (всегда спать на одной стороне — Н.Д.).

Вот так и сейчас. Я сплю вот уже 11 лет на одной стороне из-за чести иконы. Я же не буду поворачиваться на другую. Сюда лягу вот, допустим, головой, будешь ногами к другой иконе как бы. Так я на одной, и так и он спал. И когда он уже имел помирать, он

8. Смилянская Е.Б., Денисов Н.Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М.: Индрик, 2007.

плакал, лежал вот так на одном боку. Он глядел на икону и говорил: «Матушка Богородица, будь ходатаицей к своему сыну за мое согрешение», он все время говорил.[...] Он страшно молился очень и постился. И дуже был добрящий, очень был набожный. Я думаю, что Матерь Божия ему поможет. Он ее никогда не забывал, никогда — ни днем, ни ночью. Таких людей у нас больше нет, это был единственный такой человек, верил глубоко очень (Единцы, Республика Молдова, поморское согласие, ж., 1944 г.р.).

Икона, судя по полевым материалам, воспринимается как дифференцирующий или, наоборот, объединяющий признак как на межконфессиональном, так и на межгрупповом внутриконфессиональном уровне. Вспоминая о том, чем отличались дома старообрядцев от домов представителей других конфессий в изучаемом регионе, местные жители говорили, что сами постройки были идентичны, но только в старообрядческих домах можно было встретить иконостасы и «самые старые иконы». А во время бесед с беспоповцами из г. Единцы (Республика Молдова) о сходствах и отличиях между поморцами и белокриницкими старообрядцами именно одинаковые иконы назывались в качестве общего этноконфессионального признака. Интересно, что старообрядцы из разных приходов оценивают строгость веры друг у друга, среди прочего, по состоянию домашнего иконостаса или икон в церкви. Так, сравнивая два прихода региона во время интервью, старообрядка белокриницкого согласия обратила внимание на то, что в одном из храмов ее же согласия очень темные иконы:

«Сто процентов (у них — Н.Д.) строже. Даже чем все строже. Я вот первый раз такое видела. Я зашла в этот храм, там вообще — эти иконы, они темного цвета оттого, что там постоянно свечи горят. Я удивилась — почему они такие темные? А потом поняла, что если у них утром и вечером служба постоянно, и свечи постоянно. Знаешь, заходишь в храм — и как бы темень такая, не могла понять, потом сообразила» (г. Одесса, Украина, белокриницкое согласие, ж., Ф. Дист. МАЛ — 2020).

Ю.Е. Горбунов и Б.Г. Херсонский приводят очень показательный пример особого отношения к некоторым домашним иконам: «В одной старообрядческой семье в Анновке, Тарутинского рай-

она, старушка-хозяйка с трепетом показала нам образок Николы, который уже несколько поколений считают истинным хозяином, покровителем и защитником дома. Со времени основания (самое начало двадцатого века) дом не раз сменял владельцев, но снять со стены и унести Николу — “хозяина дома” — не решился ни один. Благополучие жилища в представлении обосновавшегося здесь семейства напрямую связывалось с этим скромным образом, почти столетие оберегающим свои “владения”»⁹.

Образа Николы Чудотворца и Богородицы наиболее широко распространены в старообрядческой среде Северо-Западного Причерноморья. Кроме них, в качестве хранителей и покровителей домов местные жители выбирают тех святых и их образа, которые помогли им в преодолении жизненных трудностей, спасли в сложных ситуациях, — в благодарность им устанавливают обетные праздники и особо чтут соответствующие фамильные иконы.

«Молились дома, кто как мог...»

Во времена религиозных преследований внешние проявления взаимодействия с иконами претерпевали изменения. Вспоминая о хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг.¹⁰ и атеистической политике СССР в целом, сегодня говорят о том, как прятали иконы и как происходил сдвиг от видимого и открытого к незаметному для посторонних почитанию икон:

УД: Да. Это вот даже у нас в селе несколько было коммунистов, с хаты забирали иконы. Бо приезжали с района и проверяют.[...]

ЕЕ: Главное — придут в одну комнату. Мы знали уже, что придут. Поставили в другую комнату (с. Покровка, Республика Молдова, белокриничское согласие, ж., 1938 г.р.; ж., 1939 г.р.).

9. Горбунов Ю. Е., Херсонский Б. Г. Липованская икона. Одесса: Друк, 2000. С. 104–105.

10. Подробнее о влиянии хрущевской антирелигиозной кампании на старообрядцев Северо-Западного Причерноморья см.: Душакова Н. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: РГГУ, 2022. Краткий обзор исследований, посвященных советской антирелигиозной агитации и ее результатам среди старообрядцев в более ранний период, проведен К. А. Латышевым: Латышев К. А. Советская антирелигиозная агитация (1922–1929 гг.) в отношении старообрядчества в постсоветской русскоязычной историографии // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференции 21–22 ноября 2019 г. / Под ред. В. И. Осипова. М.: Б.и., 2019. С. 129–133.

Е. как пришла ко мне на родины, когда я сына родила в 1976-м году. Она залезла даже на печку и нашла икону, она только так посмотрела и занавеску — раз и закрыла. И я бы заметила ее, а Н. говорит: «Что, — говорит, — поставила икону?». Я говорю: «Да!». Она: «Ну вот, будешь иметь (проблемы — Н.Д.)». Я: «Ну, ага, посмотрим» (с. Кунича, Республика Молдова, белокриницкое согласие, ж., 1957 г.р.).

Следует отметить, что, судя по записанным интервью, в селах, где большинство составляли старообрядцы, многим представителям самого старшего поколения удавалось сохранять привычный уклад без изменений традиционных практик: иконы у них всегда оставались в переднем углу, а молились, глядя на образа. Так, в Покровке местная жительница вспоминала: «Ну, так пошла власть коммунистов. Если ты коммунист, то уничтожают, убирают иконы. Не во всех, примерно, *у нас у простых бабка бы палкой его знала*. А он коммунист. Он на работе. И он выносит. Не во всех, конечно» (с. Покровка, Республика Молдова, белокриницкое согласие, ж., 1938 г.р.). Именно представители этого поколения занимались трансляцией религиозного знания в условиях атеистической пропаганды: от своих бабушек и дедушек внуки узнавали о старообрядческой вере, религиозных запретах и предписаниях. Показательна история о передаче религиозного знания в советское время, которой поделилась жительница с. Муравлевки (Украина):

«...бабушка моя убирала в церкви, уборщицей работала. И она меня постоянно с собой брала и учила: вот эта — та икона. Вот мы с ней моем полы, допустим, убираем: это — та икона, это — та икона, эта там, и моем полы при этом, вот. Но когда я пошла в школу, получается, первый год, я помню, я была в первом классе и меня бабушка с дедушкой взяли на Пасху, ну, как обычно до школы.[...] Я помню, что я год, по-моему, в садик походила или полгода и меня потом... бабушка на пенсии, в садике нету мест — колхозный садик, там мало было мест, то есть дети сидят дома. И она меня с собой таскала вечно в церковь. Куда мы? Идем убирать? Идем с бабушкой — мыть полы там. И вот она моет полы там, а бабушка у меня ж вообще получается в монастыре воспитывалась нашим...» (с. Муравлевка, Украина, белокриницкое согласие, ж., Ф. Дист. МАЛ — 2020).

Подобные сюжеты, безусловно, не являются уникальными для изучаемого региона. Интервью со старообрядцами из России со-

держат похожие упоминания как о скрытых практиках почитания икон, так и о непрерывной трансляции религиозного знания во многих старообрядческих семьях в течение всего советского времени. Старообрядцы из Молдавской ССР, которые были раскулачены и сосланы в Курганскую область в 1949 году, вспоминают о том, что в месте ссылки скрывали свою веру, но обучение детей молитве было постоянным: «...молились дома, кто как мог. С дому взяли иконки, и там молились. [А какие иконы больше брали с собой?] Маленькие брали. Богородицу брали. [...] Крестик брали, все-таки скрывались мы. А в комнатке становились, молились себе. Вот помню, мама учила... А Л. у нас тоже — она его учит, он и утром “Отче наш”, и вечером “Отче наш”» (с. Кунича, Республика Молдова, белокриницкое согласие, ж., 1934 г.р.).

Если в современных условиях старообрядцы рассуждают о том, как следует относиться к иконе, какие правила взаимодействия с ней необходимо соблюдать, а какое поведение может рассматриваться как «оскорбление чести иконы» (например, повернуться спиной к иконе, с точки зрения беспоповцев из Единец в рассмотренном выше сюжете) или нарушение конвенциональных норм сообщества, то эти практики можно рассматривать сквозь призму нормативности. В то же время такой подход видится совсем не продуктивным при анализе почитания икон во времена религиозных преследований. Гораздо важнее здесь рассматривать опыт проживания веры через знание о присутствии сакрального в домашнем пространстве, причем зачастую именно в виде материализованных этноконфессиональных символов. В обрисованном контексте это означает, что даже если икона была спрятана в дальней комнате, за портретом или на печи, то для верующего человека было не столь важно, что икона не расположена в переднем углу на божнице, «как это было у бабушки» или «как положено по традиции»¹¹. Значимо то, что она есть в доме, а семья об этом знает и это чувствует.

Интересно, что антрополог религии К. Ваннер именно здесь проводит различие между верой и религией: «Религия использует правила поведения, обязанность выполнять обряды и моральные суждения, чтобы подчинить людей и создать переживания, поэтому я часто слышу, что религиозный человек

11. Ср. статью Е. Е. Левкиевской о размещении икон в домах в период антирелигиозных кампаний: *Левкиевская Е. Е. Красный угол в крестьянском жилище: сакральные, информационные и коммуникативные функции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 183–203.*

«соблюдает» обряды или «участвует» в них, в то время как духовный человек «переживает» их»¹². Для современных старообрядцев «соблюдение» правил скорее говорит о строгости и крепости веры, при этом искреннее религиозное «переживание» может сопровождать очень тщательное «соблюдение» (в качестве примера здесь снова можно вспомнить наставника из Единоца). В ситуациях внешнего давления «переживание» имеет место и при нарушении тех или иных правил: во времена антирелигиозных кампаний отдельные нарушения допускались ради воспроизводства традиции.

Именно сильные эмоции, вызываемые религиозными переживаниями, и являлись основной сложностью, с которой сталкивались пропагандисты атеизма, поскольку научный атеизм, в отличие от религиозных практик, таких эмоций вызвать не мог. Теоретики атеизма вынуждены были изменить свои подходы, когда стало понятно, что религия — это не только система взглядов, но и «система чувствований»¹³.

Итак, в условиях проводимой советскими властями антирелигиозной политики самым важным для верующих было сохранить божественное присутствие и причастность к религиозному в своем домашнем пространстве.

«И вот мой батяка приехал, взял в церкви праздник служить...»

Полевые исследования среди старообрядцев Северо-Западного Причерноморья показывают, что одной из важнейших функций домашних икон в настоящее время является сохранение памяти о прошлом. За выбором фамильной иконы, наиболее почитаемых образов, стоят значимые для семейной истории события, нередко связанные с преодолением трудного прошлого. Особенно ярко это проявляется в распространенной в регионе традиции «служить праздник» или «брать праздник в дом», то есть устанавливать *обетный праздник*, который потом передается в семьях из поколения в поколение.

12. Ваннер К. Что мы называем религией? // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 22.

13. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: НЛО, 2021. С. 333–334.

Выбор обетного праздника осуществлялся по-разному в различных старообрядческих общинах. Судя по рассказам местных жителей, распределение праздников могло происходить по назначению священнослужителя / коллективно на уровне общины или по личному желанию в память о значимом святом. Варьируется и набор праздников в разных поселениях: например, в с. Покровка (Республика Молдова) «служат» двенадцатые праздники, а в Куниче (Республика Молдова) могут «брать в дом» любой праздник¹⁴:

В Покровке каждый брал праздник служить. Икона в церкви есть, и вот в праздник как бы кормят эту икону в церкви. Следят за тем, чтобы свечка горела. Во время праздника пекут хлебы, как бы отмечают. Дома делают маленький стол, родственников зовут отметить. Говорят: «Сегодня мой праздник». Двенадцать праздников есть таких. Если человек берет, у него там образ стоит (Воскресение, Троица, Вознесение или другой). Он покупает свечи и кормит икону. Каждый праздник, каждую службу ставит свечу. Горит свеча, когда служба идет (с. Покровка, Республика Молдова, белокриницкое согласие, м., 1929 г.р.).

У нас в селе принято брать праздник в дом — служить религиозный праздник любого святого. Обычно, когда светят дом, этот день выпадает на какого-то святого, и у нас берут этот праздник. Делается обед, кроме того, человек еще должен этого святого отслужить в церкви. Нужно свечи купить, масло растительное, муку отнести в церковь на этот праздник. [...] Или бывает, что трагедия случилась какая-то, и все закончилось хорошо, — значит, будем служить этого святого, возьмем в дом праздник этого святого и ежегодно будем его служить (с. Кунича, Республика Молдова, белокриницкое согласие, м., 1951 г.р.).

Практику «брать праздник в дом», характерную для села Кунича, упоминают также Е. Б. Смилянская и Н. Г. Денисов¹⁵, а в Румынии ее зафиксировала во время экспедиций С. А. Иникова¹⁶. Старооб-

14. Душак Н. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: РГГУ, 2022. С. 98.

15. Смилянская Е. Б., Денисов Н. Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. Москва: Индрик, 2007. С. 76–77.

16. Иникова С. А. К вопросу о липованских иконах // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2012. № 7. С. 381–382.

рядцы Буковины полагают, что такая особая форма иконопочитания появилась тогда, «когда после пожаров в церквях люди приносили туда свои домовые иконы и продолжали относиться к ним как к своим семейным святыням»¹⁷.

Если образа Богородицы и Николы Чудотворца можно встретить в каждом доме, то икона, соответствующая выбранному обетному празднику, воспринимается как особо почитаемая в семье. Дни Николы и Богородицы тоже нередко встречаются среди обетных праздников. До настоящего времени старообрядцы, которые переселились в Россию из Молдовы, отличаются от других представителей даже своего согласия тем, что не прерывают традицию «служить праздники», как это делали в родных селах. Священник из г. Екатеринбурга, в приходе которого есть переселенцы из села Куничи, во время интервью рассказал о том, что среди обетных праздников, которые они распределили между собой, есть Никола зимний (19 декабря), Никола весенний (22 мая), Тихвинская Богородица (22 июля)¹⁸.

Сегодня старообрядцы Северо-Западного Причерноморья продолжают служить те праздники, которые по тем или иным причинам (будь то личный выбор или предложение священника) установили их родители в советское время:

У нас в церкви все время. В селе уже знают, как праздник. Например, бабушка наша служила на Введение Богородицы в храм. Это 4 декабря праздник. Потом мама служила, и так я уже. Некоторые на Троицу, некоторые... На годовые праздники в селе люди знают, у кого какой.

[А как они выбирали?]

Как родители служили, так уже... Они считали, что каждая старообрядческая семья хотя бы две литургии в год должна отслужить. А на большой праздник всегда литургия, и они уже на этот праздник служили. Когда образовалось, так уже и пошло поколение. И остались (с. Егоровка, Республика Молдова, белокрыницкое согласие, ж.).

17. Там же. С. 381.

18. DIST_MAL_2020_o_Pavel_Zyryanov_Ekaterinburg_Ezhova_Sirotkina_Vorontsova_17_07. 2020 г. Интервью с отцом Павлом Зыряновым. Зап. Е. Воронцова, О. Ежова, К. Сироткина. Архив Межкафедральной археографической лаборатории МГУ.

Обещание освятить жилище и установить обетный праздник, данное перед иконой, фигурирует в воспоминаниях о военном времени, записанных в г. Тирасполе:

Я вам расскажу немножечко историю военную, тоже связана с религией. Началась война. У меня сестра родилась в первые дни войны, мать семимесячную родила. Страх, все это. А отца забрали на фронт. [...] Комната пустая, только большая икона стоит — Пресвятая Госпожа Богородица. Она уложила деток спать, молилась, просила Бога, чтобы Господь в это страшное время военное, если уж удастся выжить — пусть выживут все, и пусть папа придет... Живой. Если погибнут — чтоб уже все, чтоб дети не скитались сиротами где-то там, что... Молилась так и просила матушку Богородицу, и потом пообещала ей... она вот как упала, была на коленях, упала и просила: «Матушка Богородица...». Они построили перед войной дом и не успели освятить его. Благословение было, не успели освятить. И она: «Господи! Матушка Богородица! Пресвятая госпожа Богородица, обещаю тебе, если вернется муж живым и здоровым, если семья сохранится, и что бы там не произошло во время войны, но всю войну пройдем и останемся живыми — обещаю посвятить дом, дать обет в церковь». [...] Вот, и вот так вот молится, плачет и просит, и слышит голос, пустой, никого... не то, что вот уснула и все. А не спала и, как говорится, в полном здравии. Поднимает она: «Встань раба Божья!». Она поднимает глаза, и вот, как с иконы вышла... икона была в полный рост матушки Богородицы. Вышла, но парит, она не на земле, как бы, как... как в тумане: «О чем просишь — исполнится. Что обещаешь — исполни». Мама так в испуге все смотрит, и она растворилась. Проходит неделя [...]. Папа в недоумении пришел домой. Мама говорит: «Как?». Говорит: «Не пойму ничего». Всех отправили, всех отправляют, а я стою в сторонке, мою фамилию не называют, а потом, значит, говорят: «Иди домой, тебя вызовут». И мама рассказывает эту историю. Он говорит: «Ну, что ж, если приду с войны живым, все то, что обещала — сделаю» (г. Тирасполь, Приднестровье, Республика Молдова, белокрыницкое согласие, ж., 1948 г.р.).

Позже моя собеседница добавила, что вся семья пережила войну, после чего был установлен обетный праздник. Для нее он одновременно выполняет функцию благодарности за спасение и сохранения памяти о преодолении трудного прошлого с привлечением религиозных ресурсов.

В селе Кунича была записана история местной жительницы, которая, будучи ребенком, оказалась с семьей в ссылке в Курганской области, а позже вернулась в родное село¹⁹. С родителями, по ее воспоминаниям, старались вообще не говорить о прошлом. При этом моя собеседница со слезами на глазах рассказала о том, что как только их семья вернулась в Куничу в 1956 году, отец установил обетный праздник в честь Стефана Первомученика: «Все время батька говорил: “Дети, не забывайте Бога. Какой Бог наказал, той нас и помиловал”. И вот, слава Богу, я и своим детям говорю: “В каждом деле призывайте Бога. Не можете молиться, не можете идти в церкву, читайте “Отче”, “Верую”, “Богородицу”, “Всех святых””. И вот батька мой приехал, взял в церкви праздник служить архидакону Стефану Первомученику. Его ж как, камнями забрасывали, все. Вот я как это вспоминаю, какой он взял праздник... И вот они умерли, мы служили, а сейчас дочка служит...» (с. Кунича, Республика Молдова, белокриницкое согласие, ж., 1946 г.р.).

«Когда дети за телевизором в город поехали, бабушка пришла и икону забрала»

Особое отношение к иконе, уважение ее святости и чести, важная роль в сохранении и трансляции семейной памяти неразрывно связаны с существованием целого ряда предписаний и запретов, регламентирующих ее расположение в доме и оформление переднего угла.

Если во времена антирелигиозной политики советских властей важным было уберечь икону и сохранить ее дома, то после окончания преследований, судя по материалам интервью, важным стало вновь «правильное»/«традиционное» обращение с иконами и их расположение в домашнем пространстве. Перестало быть нормальным хранить икону на печи и где-то ее прятать. Более того, среди беспоповцев мне доводилось записывать свидетельства о том, что икону нельзя скрывать даже подзором (занавеской), например:

Дочь, это нельзя же образ Божий закрывать! Нельзя ни в коем случае! Это неправильное. Зачем я закроюсь от Богородицы?! Смотри,

19. Подробнее см.: Душакова Н. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: РГГУ, 2022. С. 94–100.

у меня дверь в коридор. И я если это топлю, и здесь бы было у меня очень тепло. Если я закрою эту дверь, мне здесь будет очень тепло. Но я ее никогда в жизни не закрою, потому что там иконы. Я не закроюсь у себя, не закроюсь от икон.

[Даже дверь?]

Даже нельзя божницу со стеклом. Есть люди, стекло — и закрывают. Нельзя. Даже нельзя занавеску над иконой, но тоже вешают. Икона должна быть в полном росте как есть. Она же видна. Ей не нужны, не нужны ей ни занавески, ни стекла, ничего ей не нужно. Как есть, так и есть, она должна быть (г. Единцы, Республика Молдова, поморское согласие, ж., 1944 г.р.).

Среди важных правил оформления пространства около иконы старообрядцы обычно называют ее расположение в восточном углу на божнице, «где нет ничего лишнего». В качестве типичного ответа на вопрос о регламентации пространства возле иконы можно рассмотреть фрагмент интервью, записанного в Куниче:

Л.: Ну, просто под пелену поставить лестовочку там, еще что-то, подрушник повесить, а потом, когда молиться, пелену поднял, взял лестовочку, взял подрушник, чтоб и красиво было коло иконы.

П.: Как украшали.

Л.: Ну, как бы, цветы нам не разрешали ничего ставить, только вот лампатик и вот этот подзорчик.

[А почему цветы не разрешали? Не принято было, да?]

Л.: Ну, нет, нет, ничего, один должен был лампатик. И то, эти подзорчики не положено было, ну, уже так, одна повесила и взяли моду другая, третья. А вообще это не положено. Уголок и иконка, и лампатик. Все. А потом уже начали. Сейчас уже около иконы и святые, и все ставят, а то — иконка. А если божничка большая — бутылочка воды красненькой ниточкой перевязанная и поставленная.

П.: Ну, вербу ставили и...

Л.: Ну, вербу священную коло иконы и все.

[А для чего красную ниточку?]

Л.: Ну, чтоб знал, что это святая водичка (Кунича, Республика Молдова, белокриницкое согласие, ж., 1947 г.р.; ж., 1967 г.р.).

Возможно, именно влиянием долгих лет атеистической политики можно объяснить то, что, вербализуя правила расположе-

ния иконы в комнате, нередко можно услышать и такой вариант: главное правило — это «чтобы иконе было удобно». В г. Тирасполе я беседовала с местной старообрядкой белокрыницкого согласия у нее дома и обратила внимание, что икона в комнате расположена на шкафу. Оказалось, что моя собеседница специально интересовалась у «знающей женщины» (родственницы священника), можно ли ей так поставить икону. Она успокоилась, когда получила ответ, что «можно так, как удобно иконе». Такое же правило было записано во время интервью в Егоровке (Республика Молдова): «Просто раньше красный угол иконы это был. А сейчас она может на любой стене, чтобы удобнее было просто молиться. А сейчас еще у нас... Икона — где ей удобно, там она и должна стоять» (Егоровка, Республика Молдова, белокрыницкое согласие, ж.).

«Святость» иконы не позволяет располагать ее на стене без чистой бумаги или материи. Это правило распространено в регионе повсеместно, здесь приведу наиболее развернутую мотивировку: «...потому что раньше белили, а белишь с любого ведра, а оно, может, было нечистое, а икона ж святая — и как ее прилепить? А сейчас эти ремонты, а ремонты — то же самое, оно где-то увалилось, може, не знаешь, где. А это святое. И на ремонт тоже подстилать надо, потому что все... не знаешь, какое оно все.[...] Сейчас обои клеют, а раньше по-над лавки, по-над стулья так лепили. И эту шпалеру (обои — Н.Д.), считай, ставили, ну а потом уже, когда вышли газеты, то стали газету, а сейчас уже бумажка, то самое лучшее — это бумажка. Белая, с тетрадки бумажка. А когда не было еще бумаги, то ставили даже материю новенькую, кусочек материи отрезали и ставили» (с. Покровка, Республика Молдова, белокрыницкое согласие, ж., около 1940 г.р.).

Кроме того, среди актуальных правил, связанных с расположением иконы, встречались запреты помещать кровать под божницей, размещать рядом с ней зеркало, класть на божницу мобильные телефоны, размещать в переднем углу / под иконой / напротив иконы телевизор. Особенно широко среди старообрядцев всех согласий распространен запрет, связанный с телевизором:

В том углу, где икона, не должен быть телевизор, чтобы человек мог перекреститься не на дьявольское окно, а на икону (Тирасполь, Приднестровье, Республика Молдова, белокрыницкое согласие, ж., 1948 г.р.).

Бабушка подарила молодым икону, когда они в новый дом переезжали. Икону они взяли, жили мирно. А когда дети за телевизором в город поехали, бабушка пришла и икону забрала (Новая Некрасовка, Украина, белокриницкое согласие, ж., 1952 г.р.).

Начали телевизоры появляться. Ну, как? Телевизор тоже в красном углу. И он (священник — Н.Д.) говорит: «Что у вас телевизор под иконами»? И начали: телевизор уже остается там, а иконы ставим на стены. [На стены. А.... Понятно.] Чтобы не было телевизор и икона там. Потому что несколько раз священник в церкви так говорил: «Ну, нехорошо. Некрасиво. Как это телевизор и прямо под иконами?» [А почему? Он это не объяснял, почему так?] Не объяснял. Просто считается, что это бесовское. Там и песни, там и пляски. Тут надо, чтобы лампадка горела. Тихий уголок такой (Егоровка, Республика Молдова, белокриницкое согласие, ж.).

По мнению Н. Покровского, негативное отношение к телевидению (как и радио) опирается на две линии аргументации. Одна из них связана с древнерусскими текстами «с наставлениями о душепагубности скоморошьей музыки, отвлекающей от молитвы, от Бога», а другая идет от раннехристианской апокалиптики, эсхатологии через широко распространенные лицевые толковые Апокалипсисы, в которых обличались лжепророки²⁰.

* * *

Как показывают полевые исследования, проведенные среди старообрядцев Северо-Западного Причерноморья, практики взаимодействия с иконами трансформируются в различных исторических контекстах. Во времена религиозных преследований почитание икон переносится в безопасное, скрытое от окружающих пространство, на первый план выходит значимость переживания религиозного опыта и знание о присутствии сакрального в домашнем пространстве, которое обеспечивается, среди прочего, наличием материализованных этноконфессиональных символов. После окончания религиозных ограничений почитание икон вновь становится заметным и более открытым, при этом формулируются новые правила, связанные с более свободным расположением икон

20. Покровский Н.Н. Гусли, патефоны и телевизоры // Труды отдела древнерусской литературы. СПб: Дмитрий Буланин, 1993. Т. XLVIII. С. 449.

в доме, что не воспринимается как нарушение традиционных предписаний. При этом после долгих лет антирелигиозных кампаний и атеистической политики неизменным в старообрядческих сообществах остается восприятие «святости» и «чести» иконы, ее важная роль в сохранении и трансляции памяти о прошлом, осознается необходимость регламентировать практики взаимодействия с иконами с учетом новых вызовов и инноваций.

Библиография / References

- Антонов Д. И., Завьялова А. И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.
- Ваннер К. Что мы называем религией? // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 16–25.
- Горбунов Ю. Е., Херсонский Б. Г. Липованская икона. Одесса: Друк, 2000.
- Гусева Э. К. Памятники старообрядческой живописи конца XVIII–XIX в. // Русские письменные и устные традиции и духовная культура / Под ред. И. Д. Ковальченко. Москва: Издательство МГУ, 1982. С. 151–161.
- Душакова Н. Проживаемая история: как старообрядцы вспоминают о своем прошлом. М.: РГГУ, 2022.
- Иникова С. А. К вопросу о липованских иконах // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2012. № 7. С. 373–397.
- Латышев К. А. Советская антирелигиозная агитация (1922–1929 гг.) в отношении старообрядчества в постсоветской русскоязычной историографии // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы конференции 21–22 ноября 2019 г. / Под ред. В. И. Осипова. М.: б.и., 2019. С. 129–133.
- Левкиевская Е. Е. Красный угол в крестьянском жилище: сакральные, информационные и коммуникативные функции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 183–203.
- Николаев Д., Донцов П. Мир старообрядчества Молдовы. Кишинев: Grafic-Design, 2015.
- Покровский Н. Н. Гусли, патефоны и телевизоры // Труды отдела древнерусской литературы. СПб: Дмитрий Буланин, 1993. Т. XLVIII. С. 446–450.
- Смилянская Е. Б., Денисов Н. Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М.: Индрик, 2007.
- Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: НЛО, 2021.
- Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003.
- Frykman, M. P. (2009) “Material Aspects of Transnational Social Fields: an Introduction”, *Due Domovini* 29: 105–114.
- Wang, C. (2016) “Introduction: The ‘Material Turn’ in Migration Studies”, *Modern Languages Open*: 1–11.